

ВОПРОСЪ О ХАНСКОЙ БАСМЪ ¹⁾.

Лѣтописи наши не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній относительно унизительныхъ обрядовъ, съ которыми золотоордынскіе послы принимались вообще русскими князьями-данныками хана и Московскими великими князьями въ частности. О томъ мы имѣемъ только свидетельства иноземныя и притомъ относящіяся ко времени паденія или послѣ паденія Татарскаго ига. Самое старшее свидѣтельство принадлежитъ Длугошу, т. е. второй половинѣ XV вѣка. Онъ пишетъ слѣдующее: «Князь пѣшій встрѣчаетъ пріѣзжающихъ въ его резиденцію пословъ татарскаго хана, даже незнакомыхъ, приходившихъ за данью или по другой надобности; подаетъ имъ сосудъ съ кобыльимъ молокомъ и кащи его, падающія на гриву коня, слизываетъ губами. Татарину, читающему ханское письмо въ русскомъ переводѣ, онъ подстилаетъ подъ ноги наилучшую шубу, подбитую собольями, и самъ со всеми молодыми князьями, боярами и ближними своими долженъ на колѣняхъ слушать чтеніе» (Лѣт. XIII). Писавшій по слуху и непріязненный Москвѣ, Длугошъ очевидно преувеличилъ унизительность этихъ обрядовъ, которые, если даже и существовали въ такомъ видѣ, то вѣроятно въ первыя, самыя тяжкія времена ига. Нѣсколько позднѣйшее сравнительно съ Длугошемъ, но идущее изъ такого же источника, свидѣтельство Литвина Михалона повторяетъ почти то же, только съ нѣкоторыми вариантами: «Прежде—говорить онъ—Москвитяне были въ такомъ рабствѣ у Татаръ Заволжскихъ, что между прочимъ ихъ князь выходилъ за городъ навстрѣчу всякому ханскому послу и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ узды до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство». (Архивъ Истор.-Юридич. Свѣдд. Калачова. II. Полов. 2-я, М. 1854. стр. 33). Герберштейнъ говоритъ только, что Иванъ III выходилъ навстрѣчу посламъ за городъ, и выслушивалъ ихъ стоя, когда они сидѣли; но что потомъ, по убѣжденію своей супруги Софьи, онъ сказывался больнымъ, чтобы не встрѣчать самому пословъ.

Въ этихъ свидѣтельствахъ, какъ видимъ, ничего не говорится о ханской басмѣ. Откуда же взялся извѣстный рассказъ объ этой басмѣ, по-

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Москов. Археол. Обществѣ, 21 января 1897 г. Рус. Архивъ того же года № 3.

стоянно повторяемый историками, повѣствующими о сверженіи Татарскаго ига? Онъ заимствованъ изъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», которая издана была въ Петербургѣ въ 1791 году; но написана она еще въ XVI вѣкѣ. Вотъ что тамъ говорится: «Царь Ахматъ воспріимъ царство Златыя Орды по отцѣ своемъ Зеледи Салтане царе, и посла къ нему, къ великому князю Ивану, къ Москвѣ послы своя по старому обычаю отецъ своихъ съ басмою, просити дани и оброговъ и за прошлая лѣта. Великій же князь ни мало убоися страха Царева, но приимъ Басму лица его, и поплевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопташа ногами своимъ, и гордыхъ пословъ его всѣхъ избити повелѣ, единого отпусти жива» и пр. (стр. 36). «Скпсская исторія» Лызлова, составленная въ концѣ XVII вѣка, тоже упоминаетъ о басмѣ; но Лызловъ очевидно пользовался существовавшей во многихъ спискахъ рукописью «Исторіи о Казанскомъ царствѣ». Изъ того же источника брали этотъ эпизодъ авторъ «Ядра Россійской исторіи», Татищевъ въ своей «Исторіи Россійской» и нѣкоторые другіе писатели XVIII вѣка. Щербатовъ, рассказывая о прибытіи пословъ Ахмата съ дерзкимъ требованіемъ дани, неуплаченныхъ за прежніе годы, о басмѣ при этомъ совсѣмъ не упоминаетъ, а говоритъ только о разорваніи ханской грамоты Иваномъ III; хотя, напримѣръ, Лызловымъ онъ несомнѣнно пользовался; но очевидно подъ басмою онъ тутъ разумѣлъ именно ханскую грамоту.

Собственно за Русской исторіей закрѣпилъ весь этотъ эпизодъ нашъ знаменитый исторіографъ. Карамзинъ неприминулъ соединить вышеприведенное свидѣтельство Длугоша съ извѣстіемъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», и начерталъ картину приема татарскихъ пословъ, присоединивъ къ ней еще домысль автора «Ядра Россійской исторіи» о томъ, что на мѣстѣ встрѣчи пословъ построили потомъ церковь Спаса на Болвановкѣ; такъ какъ басма истолковывалась этимъ авторомъ въ смыслъ деревяннаго ханскаго изображенія или болвана (Карамзина Т. VI. 58 и 89. Прим. 131 и 208). Въ примѣчаніи (208) онъ даетъ еще слѣдующее объясненіе: «У насъ не справедливо толковали, что *басма* есть ханская грамота съ печатью: грамоты хановъ назывались *ярлыками*, а печать *нишономъ*. *Басма* собственно значитъ *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ* отъ глагола *басмакъ*, такъ изъясняемаго въ латин. словарѣ. «*Basmak calcare, premere, impressionem facere*». Возраженіе исторіографа противъ толкованія басмы ханскою грамотою, вѣроятно имѣло въ виду Исторію Россійскую Щербатова, и «Словарь Академіи Россійской», гдѣ мы находимъ прямо такое толкованіе.

Приблизительно въ такомъ же видѣ затѣмъ повторыли этотъ эпизодъ послѣдующіе русскіе историки или писавшіе Русскую исторію, за исключеніемъ Арцыбашева, т. е. Полевой, Штраль (*Geschichte des Russischen Staates*), Соловьевъ, Бестужевъ Рюминъ и Костомаровъ. Полевой по сему случаю въ примѣчаніи дѣлаетъ вопросъ: что такое басма? И отвѣчаетъ вышеприведеннымъ объясненіемъ Карамзина; но онъ сомнѣвается относительно связи басмы съ церковью Спаса на Болвановкѣ (V. 499). А. Соловьевъ передаетъ вообще извѣстія объ унижительныхъ обрядахъ посольскаго приѣма, сопровождая ихъ словами «будто», т. е. подвергаетъ ихъ нѣкоторому сомнѣнію (V. Втор. Изд. 107). Костомаровъ («Русская исторія въ жизнеописаніяхъ»), приводя въ примѣчаніи извѣстіе о басмѣ, растоптанной Иваномъ III, и убіеніи пословъ, просто считаетъ это извѣстіе недостовернымъ. Одинъ Арцыбашевъ въ своемъ «Повѣствованіи о Россіи» совсѣмъ пропустилъ эпизодъ съ басмою и встрѣчею пословъ, вѣроятно потому, что о нихъ нѣтъ ничего въ русскихъ лѣтописяхъ; а онъ близко держался лѣтописей и неособенно уважалъ твореніе знаменитаго историографа.

Эпизода о басмѣ касались и нѣкоторые русскіе археологи или описатели старины; но въ объясненіи ея они болѣе или менѣе слѣдовали за Карамзинимъ.

Такъ Иванчичъ Писаревъ, въ описаніи Андроникова монастыря, ханскою басмою или болваномъ объясняетъ названіе «Болванской» дороги, которая шла съ юга черезъ Коломну на Москву; ибо по ней проѣзжали ордынскіе послы (стр. 65). Самый большой путеводитель по Москвѣ, изданный въ 1827—1831 гг. въ четырехъ томахъ, Замоскворѣцкую церковь Спаса на Болвановкѣ объясняетъ встрѣчею на томъ мѣстѣ ханской басмы, которую въ народѣ называли просто «болваномъ» (III. 295). Но Басманная часть города или бывшая Басманная слобода, по его толкованію, будто бы получила свое названіе отъ принадлежности Басманову, извѣстному любимцу Ивана Грознаго (IV. 28).

Последнее толкованіе очевидно невѣрно, потому что, напримѣръ, Старая Басманная улица называлась прежде «Старые Басманники»; что прямо указываетъ на обитавшихъ здѣсь дворцовыхъ басманниковъ. Этотъ фактъ приведенъ въ Историко-археологическомъ описаніи Москвы извѣстнаго археолога А. А. Мартынова. Текстъ его принадлежитъ не менѣе извѣстному московскому археологу Спѣгиреву, который повторяетъ, что *басма* въ турецко-татарскихъ языкахъ означаетъ оттискъ, отпечатокъ; отъ нея произошло уже русское *басмить* дѣлать оттискъ; отсюда на старинныхъ нашихъ образахъ извѣстенъ *басменный* окладъ изъ сере-

бра, золота и мѣди. Оттуда же и названіе *басманомъ* круглаго хлѣба, на верхней коркѣ котораго басмидись разныя фигуры. Дворцовые пекари такого хлѣба назывались *басманники*; вотъ отъ этихъ-то басманниковъ, по его объясненію, и получила названіе Басманная дворцовая слобода («Москва». I. Втор. изд. 78 и 170). Относительно Болвановки это изданіе Мартынова повторяетъ тѣ же объясненія, основанныя на ханской басмѣ. Но кромѣ Замоскворѣцкаго урочища *Болвановья* оно указываетъ еще *Болваново* Заяузское, входящее въ предѣлы Таганки, и говоритъ, что Таганскія ворота прежде назывались *Болвайскими*. Оно указываетъ при семъ на Годуновскій чертежъ Москвы, гдѣ въ этой мѣстности обозначено *Bolbanische vorod*; что можно толковать словами и городъ, и ворота (168). Во всякомъ случаѣ для даннаго вопроса важно тутъ указаніе на двѣ Болвановки: уже это раздвоеніе подрываетъ легенду о связи басмы съ одною только мѣстностію. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ домысломъ; въ дѣйствительности народъ связывалъ эти мѣстности съ какими либо иными болванами, а не съ басмою.

Покойный предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества графъ А. С. Уваровъ въ своихъ работахъ коснулся и вопроса о басмѣ, которой даетъ подобное же толкованіе. Его замѣтка о ней помѣщена въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества во 2-мъ томѣ (1869 г.) въ «Матеріалахъ для Археологическаго Словаря».

Какъ мы видимъ, за весьма немногими исключеніями, наши историки и археологи повторяли Карамзинское толкованіе, т. е. принимали басму въ смыслѣ ханскаго изображенія, въ родѣ портрета, бюста и т. п., вообще въ смыслѣ какого-то болвана по народному выраженію; по крайней мѣрѣ никакого другого толкованія и не пытались представить. Какъ исключеніе изъ этого положенія, мнѣ извѣстна пока только одна попытка другого толкованія, принадлежащая покойному Троицкому архимандриту Леониду. Въ томъ X Извѣстіи Петербургскаго Археологическаго Общества (1884 г.) онъ помѣстилъ ярлыкъ Ахмата Ивану III, 1476 г. Тутъ ханъ приказываетъ себѣ заплатить дань «60.000 алтынъ вешнею, да 60.000 алтынъ осейнею». «А на себѣ бы еси носилъ *Батыево знаменіе*, у колпака верхъ вогнувъ ходилъ» — прибавляетъ ярлыкъ. Вотъ это то «Батыево знаменіе», по мнѣнію отца архимандрита будто бы и была пресловутая ханская басма. Но такое толкованіе несовсѣмъ удобно-понятно, и трудно его принять.

Теперь обращусь къ другому толкованію, которое по моему разумѣнію заслуживаетъ особаго вниманія.

Повидимому, всѣмъ нашимъ историкамъ и археологамъ, за послѣднее

пятидесятилѣтіе касавшимся вопроса о басмѣ, осталось неизвѣстно то, что сообщаетъ о ней Нарбутъ въ VIII томѣ своихъ *Dzieje narodu Litewskiego*, вышедшемъ въ 1840 году ¹⁾. Тамъ у него въ приложеніяхъ есть *Dodatek XI*, специально посвященный данному вопросу. Нарбутъ сообщаетъ, что какой то любитель старины, знакомый съ письменностію Литовскихъ Татаръ, нашель въ одной ихъ рукописи, написанной арабскими буквами на татарскомъ языкѣ съ примѣсью литовско-русскаго нарѣчія, слѣдующее объясненіе интересующаго насъ предмета:

«Ханская басма была ничто иное какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцати дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока несовсѣмъ застывшей, оттисковалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой оттискъ клалась подушечка, сшитая изъ дорогой матеріи и набитая, пропитанною запахомъ мускуса, хлопчатую бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою, и завертывался въ шелковую матерію, затканную золотомъ и серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожаный мѣшокъ, который вьючился на богато убранаго и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ знаменосцевъ или улановъ».

Далѣе Нарбутъ въ подтвержденіе этого объясненія указываетъ на нѣсколько камней, о которыхъ онъ слышалъ, что на нихъ виденъ отпечатокъ человѣческой стопы. Эти камни встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи. Отсюда онъ заключаетъ, что они тоже представляютъ собою родъ басмы и означали предѣлы Монгольскихъ владѣній. Последнее его соображеніе для насъ уже не имѣетъ значенія. Но приведенное сейчасъ объясненіе басмы заслуживаетъ нашего вниманія; хотя Нарбутъ по своему обыкновенію не указываетъ въ точности своего источника. Ссылка его на то, что слово *башмакъ*, какъ названіе известной обуви, заимствовано у Татаръ и происходитъ конечно отъ басмы—эта ссылка, на нашъ взглядъ, дѣйствительно подкрѣпляетъ объясненіе басмы какъ оттиска ханской стопы.

Въ дополненіе къ этому объясненію, съ своей стороны напомнимъ обычай восточныхъ т. е. азіатскихъ деспотовъ повергать на землю побѣж-

---

¹⁾ Въ своей „Исторіи Россіи“ я при первомъ изданіи второго тома также упустилъ изъ виду сообщеніе Нарбута, и вкратцѣ воспользовался имъ только при второмъ изданіи.

деннаго и плѣннаго государя или предводителя и наступать на него ногою въ знакъ своей полной надъ нимъ власти. Откуда и у насъ сохраняется выраженіе «быть подъ пятою», т. е. быть подъ игемъ. Мало того, употребляется еще выраженіе «быть подъ башмакомъ», когда говорится о подчиненіи мужа своей женѣ; такъ какъ башмакъ у насъ сдѣлался принадлежностію собственно женской обуви. Восковой оттискъ ханской стопы, по этимъ соображеніямъ, дѣйствительно могъ служить символомъ ханскаго господства, и, слѣдовательно, требовать особыхъ себѣ почестей со стороны подвластныхъ хану владѣтелей.

Итакъ, если мы примемъ вообще извѣстіе о ханской басмѣ, привозимой въ Москву, за достовѣрное,—то, конечно, объясненіе, сообщенное Нарбутомъ представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе ея какимъ то ханскимъ изображеніемъ или болваномъ. И тѣмъ болѣе, что татарскіе ханы того времени какъ мусульмане уже въ силу корана не могли допускать своихъ портретовъ или изваяній. На это обстоятельство также указываетъ Нарбутъ.

Но главный вопросъ заключается въ томъ: можно ли самое извѣстіе о ханской басмѣ считать достовѣрнымъ? Мы уже видѣли, что нѣкоторые отрицали или только сомнѣвались въ этой достовѣрности. Но одно дѣло отвергнуть голословно какое либо свидѣтельство, другое дѣло научнымъ образомъ доказать его недостовѣрность. Если о басмѣ ничего не упоминаютъ наши лѣтописи, этого аргумента еще недостаточно. Онѣ не упоминаютъ о многихъ фактахъ, о которыхъ мы узнаемъ отъ другихъ источниковъ; при томъ ненадобно забывать ихъ офиціознаго характера, вслѣдствіе котораго факты, неприятныя княжескому или народному самолюбію, пропускаялись. Такъ онѣ совсѣмъ не упоминаютъ и вообще о тѣхъ унизительныхъ обрядахъ при приѣмѣ татарскихъ пословъ въ Москвѣ, о которыхъ свидѣлствуютъ иноземцы. Въ данномъ случаѣ для насъ кажется важнымъ обстоятельствомъ, что иноземцы, свидѣлствующие объ унизительныхъ обрядахъ, точно также какъ и лѣтописи, совсѣмъ не упоминаютъ при этомъ о басмѣ. Именно: Длугошъ, Михалонъ и Герберштейнъ. Особенно важно умолчаніе Герберштейна, который лично былъ въ Москвѣ при сынѣ Ивана III и получалъ свѣдѣнія о его времени отъ стариковъ, еще помнившихъ это время. Возможно конечно, что Русскіе не все ему охотно рассказывали, и самое его свидѣтельство, какъ мы видѣли, отличается отъ Длугоша и Михалона, т. е. неповторяетъ тѣхъ же унизительныхъ подробностей о встрѣчѣ пословъ.

Такимъ образомъ извѣстіе о басмѣ, столь распространенное въ нашей историографіи и археологіи, восходитъ только къ одному источнику, т. е.

къ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ»; другого подтвержденія ему пока не имѣемъ. Неизвѣстный авторъ этой исторіи говоритъ о себѣ, что онъ 20 лѣтъ пробылъ въ Казанскомъ плѣну; онъ описываетъ паденіе Казани какъ современникъ и почти очевидецъ. (Вопросъ о томъ, кто именно былъ этотъ авторъ, доселѣ неволиѣ разъясненъ; хотя, основываясь на Татищевѣ, его считали священникомъ Іоанномъ Глазатымъ). Если его показаніе о себѣ вѣрно, то онъ былъ современникомъ Герберштейна, и слѣдовательно какъ туземецъ могъ еще лучше его узнать подробности о времени Ивана III. Во всякомъ случаѣ авторъ жилъ въ XVI вѣкѣ; ибо имѣются списки его Исторіи уже конца XVI вѣка¹⁾. Но, къ сожалѣнію, вообще его рассказы не отличаются полною достовѣрностію, обилуютъ разными домыслами и прикрасами. Если разберемъ его извѣстіе о басмѣ, то убѣдимся, что самъ онъ имѣлъ о ней какое то смутное представленіе. «Примъ басму лица его» говоритъ онъ. Если басма по татарски значить оттискъ, отпечатокъ, то получимъ «оттискъ его, т. е. ханскаго, лица»; въ такомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, и было истолковано это выраженіе. Но что такое оттискъ или отпечатокъ лица? Портретъ сюда могъ бы подходить, если бы тогда у Татаръ извѣстно было граверное искусство. Сюда скорѣе всего подходило бы понятіе о маскѣ, напримѣръ, восковой. Но опять, сколько извѣстно, мы не имѣемъ никакихъ подтвержденій, что бы ханы позволяли снимать восковыя маски съ своего лица? Притомъ же слово *ашимакъ* въ качествѣ обуви связываетъ басму какъ отпечатокъ не съ лицомъ, а со стопою. Очевидно, авторъ Казанской исторіи самъ получилъ свое свѣдѣніе о басмѣ въ видѣ какого то смутнаго преданія, а яснаго представленія о ней не имѣлъ. Притомъ и его показаніе объ избіеніи татарскихъ пословъ уже совсѣмъ не согласуется съ осторожнымъ характеромъ Ивана III, и едва ли можетъ быть принято.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ и соображеній, мы можемъ только тогда принять его извѣстіе о ханской басмѣ за достовѣрное, когда получимъ подтвержденіе тому изъ какого либо другого самостоятельнаго источника; а до того времени не можемъ считать его достовѣрнымъ. Конечно помянутая ссылка Нарбута на какую то арабско-татарскую рукопись могла бы послужить такимъ подтвержденіемъ, если бы самая эта ссылка была обставлена болѣе точными указаніями съ

---

1) См. С. М. Шилевскаго „Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“. Казань. 1877. Здѣсь цѣлое второе приложеніе посвящено разбору этой „Исторіи“ на ея составныя части.

возможностию ихъ провѣрки. Поэтому я позволю себѣ обратиться преимущественно къ знатокамъ татарскихъ языковъ, исторіи и татарско-мусульманскихъ обычаевъ съ вопросомъ: неизвѣстны ли имъ такіе факты, которые могли бы или подтвердить, или отвергнуть пресловутое извѣстіе о ханской басмѣ? Не существовало ли въ татарскихъ и вообще азіатскихъ государствахъ какого либо если не тождественнаго, то аналогичнаго явленія сравнительно съ нашимъ сказаніемъ о басмѣ или съ ея объясненіемъ у Нарбута? Последнее слово въ данномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, принадлежитъ именно таковымъ знатокамъ. А я не рѣшаюсь отвергнуть извѣстіе неизвѣстнаго автора XVI вѣка о басмѣ и ссылку Нарбута, пока не истощены всѣ средства исторической науки, чтобы рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ.

На мое обращеніе отозвались двое изъ присутствующихъ ученыхъ.

Достоуважаемый профессоръ Турецкой литературы въ Лазаревскомъ Институтѣ, Саковъ въ дополненіе къ моему реферату привелъ одну аналогію изъ быта Османскихъ Турокъ, гдѣ нѣчто подобное представляетъ отпечатокъ руки, какъ символъ власти. Вообще онъ склонялся къ тому, что бы признать объясненіе басмы, предложенное въ ссылкѣ Нарбута, заслуживающимъ вѣроятія.

Д. Ф. Кобеко, выдающійся членъ Петербургскаго Археологическаго Общества, заявилъ, что, по случайному совпаденію, онъ самъ занимался тѣмъ же вопросомъ спеціально, и его изслѣдованіе должно скоро появиться въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія названнаго Общества. По его мнѣнію многочисленные списки «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» представляютъ варианты даннаго извѣстія, которые указываютъ на испорченность его текста. Такимъ образомъ онъ совсѣмъ отвергаетъ фразу «басму лица его»; а вмѣсто нея ставитъ другое слово, которое сближаетъ это извѣстіе съ помянутымъ выше ярлыкомъ Ахмата и толкованіемъ архимандрита Леонида. О степени достовѣрности какъ такого толкованія, такъ и другого чтенія въ текстѣ «Исторіи о Казан. цар.» можемъ судить конечно только тогда, когда будемъ имѣть передъ собою полное изслѣдованіе.